

**ПЕТЕРБУРГСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФОРУМ**

**20—22 июня 2013**

**Россия в глобальной повестке  
ЗЕЛЕНАЯ ПОВЕСТКА РОССИИ: ОТВЕТСТВЕННЫЙ ПОДХОД К  
ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЕ КАК СРЕДСТВО ПОВЫШЕНИЯ  
ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ И КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ  
РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ**

**Панельная сессия**

**22 июня 2013**

**10:00—11:15, PEPSICO CAFÉ**

**Санкт-Петербург, Россия**

**2013**

**Модератор:**

**Елена Лазько**, Партнер, Deloitte

**Выступающие:**

**Сергей Донской**, Министр природных ресурсов и экологии Российской Федерации

**Андрей Елинсон**, Заместитель генерального директора, «Базовый Элемент»; председатель совета директоров, «Базэл Аэро»

**Джеймс Розенфильд**, Соучредитель, IHS Cambridge Energy Research Associates (IHS CERA); Старший вице-президент, IHS

**Наталья Ханженкова**, Управляющий директор по России, Европейский банк реконструкции и развития

**Александр Чуваев**, Исполнительный вице-президент, Fortum Corporation; глава дивизиона «Россия»

**Евгений Шварц**, Директор по природоохранной политике, WWF Россия

**Исаак Шепс**, Президент, ОАО «Пивоваренная компания „Балтика“»; старший вице-президент по Восточной Европе, Carlsberg Group

**Участники дискуссии:**

**Михаил Аким**, Директор по стратегическому развитию, ООО «АББ», Россия

**Всеволод Гаврилов**, Глава дирекции по управлению проектами в области энергосбережения и природопользования, Сбербанк России

**Алексей Шевляков**, Врио генерального директора, ФГБУ «Российское энергетическое агентство» Министерства энергетики Российской Федерации

## **Е. Лазько:**

Только ответственные люди могут прийти в субботу в десять утра, чтобы поговорить на тему экологии. А если серьезно, то сегодня хочется поговорить о зеленой повестке дня для России. Что это означает? Что означают «зеленая экономика», «зеленая промышленность», «зеленая энергетика», «зеленые инновации», «зеленая идеология»? Я представлю наших участников в том порядке, в котором они сидят. Сергей Ефимович Донской, министр природных ресурсов и экологии Российской Федерации. Александр Чуваев, руководитель российского подразделения Fortum Corporation. Исаак Шепс, президент пивоваренной компании «Балтика». Джеймс Розенфильд, кембриджское исследовательское агентство Cambridge Energy Research Associates. Наталья Ханженкова, Европейский банк реконструкции и развития (ЕБРР), российский руководитель. Андрей Елинсон, руководитель группы «Базовый Элемент», он будет говорить о том, что делает Российский союз промышленников и предпринимателей (РСПП) с экологией. Евгений Аркадьевич Шварц, он будет рассказывать о позиции World Wide Fund for Nature (WWF), Всемирного фонда дикой природы. В первом ряду сидят и другие участники дискуссии. Я их буду представлять по ходу заседания. Начнем с Сергея Ефимовича Донского. Сергей Ефимович, у нас сейчас идет Год экологии в Российской Федерации. Что это значит для Вас, для Министерства? Спасибо.

## **С. Донской:**

Добрый день, коллеги, друзья. Хотел бы также поприветствовать всех, кто пришел на сегодняшнюю дискуссию.

Год экологии — это все-таки короткий промежуток времени, в течение которого мы, конечно, стараемся концентрироваться на этой тематике, привлекаем к ней больше внимания. Но экология — тема не одного года, и мы будем продолжать, будем развивать ее дальше, привлекать все больше и больше людей к решению экологических проблем.

Тема, которую мы сегодня будем обсуждать, волнует весь мир. Россия — не исключение. Поэтому я рад видеть на этой дискуссии как

представителей бизнеса, так и экологов, коллег из банковского сектора. От того, насколько хорошо мы друг друга понимаем в таких основополагающих вопросах, как защита окружающей среды, зависит будущее нашей страны, граждан, наших детей. Это не просто слова. Базовым принципом устойчивой и долгосрочной современной экономики является совершенствование экологической культуры в обществе. Каждый житель России должен со временем прийти к пониманию того, что обширные ресурсы, уникальная экосистема дают нам огромное конкурентное преимущество перед другими странами. Кроме того, разнообразие и обилие природных ресурсов позволяет оказывать влияние на глобальные процессы, мировые процессы, в том числе и экологические. Эти два фактора накладывают на государство и его общественные институты большую ответственность и определенные обязательства. Именно в этом направлении мы и движемся.

Текущая экономическая модель, по нашим оценкам, предполагает, что интенсивное развитие различных отраслей промышленности, необходимое для стабильного экономического роста, одновременно приводит к увеличению потребления природных ресурсов, а негативное влияние на окружающую среду отрицательно сказывается на здоровье населения. В этом контексте основной задачей является разрыв связи между экономическим ростом и воздействием на окружающую среду. Решение этой задачи подразумевает политические действия, принятие мер по созданию пространства для экологической модернизации устаревших «грязных» технологий, стимулирование «зеленых» инвестиций в промышленность.

Для обеспечения комплексного решения этой задачи был начат процесс реформирования экологического законодательства в России. В прошлом году Правительством были приняты «Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года», разработан соответствующий план действий по реализации этого стратегического документа. Также приняты государственная программа по охране окружающей среды до 2020 года и госпрограмма по

воспроизводству использованных природных ресурсов, по развитию лесного комплекса, по повышению конкурентоспособности отечественной промышленности, по повышению энергоэффективности. В этом году Президентом также утверждена стратегия развития Арктической зоны.

Перечисленные документы являются для министерства дорожной картой по реформированию экологического законодательства. На начальном этапе наши усилия сконцентрированы в трех основных направлениях: ликвидация прошлого экологического ущерба, создание индустрии переработки и вторичное использование отходов, а также проведение программы экологической модернизации предприятий на условиях внедрения наилучших доступных технологий. Также сейчас ведется работа по созданию системы получения достоверной информации о состоянии окружающей среды. Здесь речь идет и о совершенствовании законодательства, и о реализации конкретных практических проектов в регионах. Важный этап на пути к экологизации российской экономики — это Закон о технологическом нормировании и экономическом стимулировании. Эта инициатива нашего министерства призвана сделать схему экологического нормирования прозрачной, снять излишние административные барьеры, создать экономические условия для масштабной модернизации производств в стране. Законопроект предусматривает введение электронной системы учета предприятий и их выбросов: благодаря ей можно будет увидеть полную экологическую историю объекта, оценить экологическую эффективность его работы, а также работы контрольно-надзорных органов.

Думаю, что ни для кого не секрет, что судьба этого законопроекта складывается не очень просто. Вместе с тем, по моему глубокому убеждению, затягивание его принятия приводит к ухудшению состояния окружающей среды и качества жизни людей. Если же говорить о рациональных аспектах, то отсутствие механизма, заставляющего природопользователей модернизировать свои предприятия, грозит в будущем ослаблением позиций Российской Федерации на мировых экономических рынках.

Другим приоритетным направлением, как я уже говорил, является создание системы безопасного обращения с отходами. Сегодня в этой сфере сложилась критическая ситуация, когда уровень образования отходов во много раз опережает уровень их переработки. Если мы не примем решительных мер, то уже через несколько лет территория России будет похожа на большую свалку. Понимая это, мы ставим перед собой амбициозную, но вполне достижимую цель — за семь лет повысить долю использованных обезвреженных отходов производства и потребления с 11% до 80%. Для этого необходимо фактически создать отрасль обращения с твердыми бытовыми отходами (ТБО). Что мы предполагаем сделать в первую очередь? Учитывая высокую степень подготовки законопроекта об отходах производства и потребления, на уровне Президента внести изменения в законодательство. Совсем недавно, в апреле этого года, было озвучено решение, что принятие этого документа должно произойти не позже весны 2014 года. Законопроект позволит стимулировать вовлечение отходов в замкнутый цикл, минимизировать потери полезных ресурсов. Это как раз то, к чему стремится весь мир. Также в рамках проведения природоохранной политики в прошлом году была принята федеральная программа по охране озера Байкал и развитию примыкающих к нему территорий. Значимость этого документа не подлежит сомнению, его все ждали, регионы очень радовались, когда была принята эта программа. Сейчас идет ее реализация. Одним из результатов ее реализации должна стать реабилитация 80% байкальской природной территории, подвергшейся значительному загрязнению. До 2020 года для реализации Федеральной целевой программы (ФЦП) будет выделено около шестидесяти миллиардов рублей, из которых 80% составляют средства федерального бюджета. Кроме того, для сохранения водных ресурсов в России с прошлого года реализуется еще одна ФЦП. Она имеет отношение к развитию водохозяйственного комплекса, объем ее финансирования составляет около 50—60 миллиардов рублей. Это сумма, которая будет расходоваться до 2020 года.

Теперь я хотел бы перейти к описанию ситуации, касающейся ликвидации прошлого экологического ущерба. В контексте «озеленения» экономики этот вопрос является одним из самых значимых. Он звучал и в послании Президента, и когда Председатель Правительства докладывал об основных направлениях долгосрочного развития страны до 2018 года. Почему он возник? Мы хорошо знаем, что к концу 2011 года в России было накоплено более 31 миллиарда тонн отходов, связанных с прошлой экономической деятельностью. При этом каждый год этот объем увеличивается на один миллиард кубометров пустой породы, а площадь, занимаемая такими отходами, увеличивается на сотни тысяч гектаров. В настоящее время министерство завершает разработку и согласование проекта федеральной целевой программы ликвидации накопленного экологического ущерба. Эта программа будет реализовываться до 2025 года. Уже почти закончено формирование перечня первоочередных проектов, география которых распространяется на 45 регионов Российской Федерации. Всего на реализацию проекта по ликвидации накопленного ущерба из федерального бюджета планируется выделение 121 миллиарда рублей.

Благодаря поэтапному проведению экологической политики, общий поток инвестиций в природоохранный сектор на последующие 10 лет должен увеличиться не меньше, чем в два раза. Чтобы достичь этих результатов, мы должны уже сейчас четко определить зону ответственности государства и бизнеса, направить усилия на внедрение механизма государственно-частного партнерства. Это позволит повысить эффективность государственных инвестиций и при этом даст возможность наполнить природоохранный сектор дополнительными средствами из внебюджетных источников.

И в заключение я бы хотел вернуться к теме экологической культуры как базовому условию «зеленого» роста. Совсем недавно, 5 июня, во Всемирный день охраны окружающей среды, по инициативе нашего министерства впервые была проведена акция «Ноль негативного воздействия». Ее суть заключалась в краткосрочной добровольной приостановке предприятиями деятельности, оказывающей негативное

воздействие на окружающую среду. О своей готовности поддержать нашу инициативу объявили 22 региона и несколько сотен предприятий, среди них и крупнейшие: «Норильский никель», «Газпром», РЖД, «АЛРОСА» и многие другие. Я считаю, это действительно очень хороший результат, демонстрирующий интерес и вовлеченность в природоохранную повестку не только территориальных органов власти, но и предпринимателей. В следующем году мы планируем провести такую же акцию, но в более широком масштабе.

Однако нужно признать, что в целом по стране уровень экологической культуры пока еще оставляет желать лучшего. По данным последнего исследования ВЦИОМ, нормы экологического поведения де факто уже являются общепринятыми, их поддерживает абсолютное большинство россиян. Но лично участвовать в мероприятиях по охране окружающей среды пока готов только каждый третий житель нашей страны. Между тем во всем мире процесс формирования экологической культуры, идет сегодня весьма интенсивно, что необходимо для устойчивого обеспечения глобальной системы экономических и социальных взаимоотношений. Мы считаем, что только всеобщая ориентированность на «зеленый» вектор позволит сделать эффективные шаги по выходу из сложившегося в последние годы глобального экономического кризиса. Это даст новые стимулы и импульсы для роста во всем мире. Спасибо.

**Е. Лазько:**

Спасибо большое, Сергей Ефимович.

Андрей, Вы — представитель промышленности и крупнейшего предприятия. Я знаю, что есть определенная позиция, сложившаяся относительно того, что должно происходить с экологией в нашей стране. Будет интересно послушать Ваше мнение.

**А. Елинсон:**

Большое спасибо за предоставленное слово.



Как член Комитета по экологии РСПП, я дам комментарии и оценки по вопросам, которые затронул Сергей Ефимович, но только в той части, которая касается промышленной политики.

Во-первых, об упомянутом «Законе о технологическом нормировании» и о программе по переходу на наилучшие доступные технологии. Мы считаем эту программу действительно правильной и нужной. Законопроект же, в том виде, в котором он существует сейчас, проходит этап бурного обсуждения. Совсем недавно мы с несколькими присутствующими на этой панельной сессии живо обсуждали эту проблему в рамках заседания на площадке Открытого Правительства под руководством Дмитрия Анатольевича Медведева. Для меня это очень важный индикатор. Хотелось бы, с одной стороны, поблагодарить Правительство за то, что оно ведет диалог по этому непростому вопросу. У нас, действительно, пока позиции сходятся не по всем пунктам, но мы находимся в активном диалоге, и Открытое Правительство очень помогает. Такой новый механизм обсуждения столь сложных законопроектов — это вообще новое слово в системе законодательства Российской Федерации. Мы с интересом участвуем в этом процессе и видим очень много положительного. Высшие руководители страны поддерживают подобную форму реформирования законодательства. Если на этой площадке нам удастся выйти действительно на качественное решение, то можно говорить, что у нас меняются подходы, а гражданское общество, о котором так много говорится, достаточно активно проявляет себя в этом процессе.

Теперь по сути проблемы. Сам закон, как я уже сказал, сама программа модернизации и программа реформы экологического законодательства нам, представителям промышленности и предпринимателям, очень близка, понятна, и мы считаем ее необходимой. Когда из Министерства природы поступила одна из первых редакций «Закона о технологическом нормировании», мы как участники процесса начали внимательно анализировать этот документ и пришли к выводу, что с точки зрения промышленности, те предложения, которые там есть, — правильные. Они направлены на то, чтобы мотивировать промышленность на модернизацию.

Но в том виде, в каком они предлагались, с точки зрения промышленности, они не будут эффективны в существующей системе экологического законодательства. РСПП создал независимую группу, в которую вошло более 70 экспертов. Она работала порядка полугода, чтобы проанализировать действующую систему экологического законодательства. Как вы знаете, многие ветви нашего законодательства (гражданское право, налоговое право, таможенное право) прошли длинный путь от советской командно-административной системы до кодификации той системы, в которой сегодня работают многие отрасли права. Когда мы начали смотреть на «Закон о технологическом нормировании» и проанализировали, в какую среду попадет идея о модернизации, мы пришли к выводу, что сегодняшнее законодательство, которое корнями уходит в советский административно-командный механизм, настолько запутано, что это предложение невозможно реализовать на практике. По крайней мере, у нас возникнут трудности с тем, чтобы добиться того результата, на который это законодательство нацелено. Когда мы посмотрели, каким образом сейчас работают наши предприятия, мы увидели, что получение одного разрешения на сегодняшний день для среднего предприятия в сегодняшней системе координат может занять от года до полутора лет. Вы сами это знаете. Предприятие (детский сад, школа или промышленный гигант) должно заполнить более ста томов документов для того, чтобы получить разрешения на сбросы или выбросы. Многие понятия, например, «ущерб», вообще не определены.

Так сложилось, что, когда началась реформа всех других законодательных блоков, каждая группа, каждое министерство сформировало себе свой набор документов в области экологии. Этими документами они и пользуются. Многие из этих документов используются на принципах обычаев делового оборота в большей мере, чем по формальному признаку следования тем или иным законодательным актам. Более полутора тысяч регулирующих документов — это такой длинный рулон! Я его с собой не взял, но мы его полностью проанализировали. Он длиной с этот стол, и описывает системы взаимоотношений законодательных актов верхнего,

нижнего и среднего уровней документов (более восьми), которые регулируют эту систему. Не буду вдаваться в детали, иначе можно надолго уйти в дискуссию о достоинствах и недостатках этого закона. Это не основная повестка сегодняшней встречи.

Мы, как представители промышленности, безусловно поддерживаем движение в сторону модернизации и более экологически правильного развития. Мы, естественно, считаем, что основным драйвером этого развития должна быть конкурентность. Предприятия будут стремиться быть конкурентоспособными, а сегодня это не только следование экологическим нормам, но и доступность кредитов, качественная рабочая сила и так далее. Как мы видим, на Западе многие предприятия уже на практике двигаются в область экологически чистых производств — не только потому, что надо соблюдать закон или потому, что это правильно, а потому, что таким образом они держатся за свою конкурентную нишу, потому что потребитель требует от всех предприятий, с которыми он работает, совершенно других стандартов работы. Мы считаем, что это всегда будет основным драйвером модернизации нашей экономики, в любом случае, каким бы хорошим ни было законодательство.

Сейчас порядка двух третей наших предприятий имеют изношенность основных производственных фондов более чем 60—70%. Доступность кредита сегодня, как вы сами знаете, достаточно ограничена. Ликвидность и в мире, и в стране сокращается. Рассчитывать на то, что в семилетний период у нас произойдет стопроцентная модернизация по основной группе крупнейших предприятий, было бы сложно. Хотя мы видим примеры предприятий, которые двигаются впереди, как локомотивы, и находят такие ресурсы, делая естественным образом то, что рекомендуется.

Что мы предлагаем для того, чтобы поддержать инициативу нашего Правительства и как-то сблизить промышленность и гражданское общество? Мы считаем, что движение в сторону модернизации экологического законодательства — это очень правильная идея. Мы предложили наработку нашей независимой экспертной группы для анализа и руководителю Правительства, и Министерству природы. Мы предлагаем

планомерный переход к Экологическому Кодексу, который постепенно позволил бы нам убрать из законодательства абсурд — дефекты, выявленные рабочей группой (а их порядка 40 страниц). Это могло бы стать первым этапом. А после этого та согласительная площадка, которая работает, уже смогла бы выйти на быструю программу, дорожную карту по реформе экологического законодательства у нас в стране. Я на этом остановлюсь. Потом, возможно, будут вопросы, и другие докладчики смогут также прокомментировать мои слова. Спасибо.

### **С. Донской:**

Спасибо большое. Было приятно услышать, что наша позиция все-таки сближается, хотя все сложно.

Я думаю, коллеги еще добавят, но я все-таки хотел бы повторить: в этот вторник мы встречались на площадке Открытого Правительства под руководством Председателя Правительства, встречались и много раз до этого. Я сам лично проводил десятки заседаний рабочей группы Открытого Правительства по этому закону. На самом деле, это достаточно большая работа. Мы ищем определенный компромисс, и мы его находим.

Коллеги, у меня большая просьба: когда мы обсуждаем, давайте более четко представлять, что мы собираемся делать. Ведь когда мы говорим об абсурде — о сроках, об инвестициях, которые необходимы для модернизации, — мы говорим о конкретных цифрах и прочем, что сопровождает эту реформу. Во вторник на встрече в Правительстве я, кстати, говорил об этом: все те меры, которые предлагаются в рамках дорожной карты, которую подготовил РСПП, будут реализованы после принятия закона. Речь идет и о плате, и о сроках принятия разрешений, и об упрощении административных процедур, о передаче полномочий на региональный уровень, об упрощении и выделении групп предприятий с минимальным воздействием на окружающую среду или даже без оно, где не будет никакого взаимодействия с проверяющими органами. Это, например, детские сады. С ними все ясно: тут не надо контролирующего

органа как такового, они сами нормально осуществляют свою деятельность, и здесь проблем нет.

Тех самых семи лет, за которые, как было сказано, мы собираемся проводить модернизацию, — недостаточно для проведения модернизации, и мы это хорошо понимаем. Семь лет дается только на подготовку к началу модернизации, то есть эволюцию предприятия, на возможность провести все необходимые процедуры. Это все в законопроекте есть.

Что касается инвестиций, мы открыты для того, чтобы доработать экономический инструментарий — а мы предлагаем и льготы по кредитам, и налоговые льготы и субсидирование, и амортизацию. Давайте еще что-то придумывать. Мы понимаем, что предприятиям сложно собрать такие суммы, особенно у нас. Но в принципе можно обсуждать варианты привлечения инвестиций со стороны, то есть из-за границы, а также различные другие схемы. Думаю, разговор об этом сегодня еще зайдет. Мы открыты. Коллеги, самое главное — не затягивать эту процедуру. Если мы будем и дальше откладывать, мы окажемся в ситуации, когда сотни миллиардов долларов уже не смогут быть эффективно вложены и реализованы именно с точки зрения модернизации экономики. Мы доведем страну до такой ситуации. Нельзя этого делать. Я говорил об этом во вторник, говорю сейчас и дальше буду об этом говорить. Немного эмоционально, извините, но иногда просто сложно разговаривать на простом языке, потому что, возможно, слов не слышат — не знаю, как еще это объяснить. Мы понимаем, что это нужно будет сделать в любом случае. Если мы отложим еще на десяток лет, этим будут заниматься наши дети, но я не хотел бы передавать своим детям эту проблему. Надо решать здесь и сейчас. Так что извините за эмоциональность и за то, что задержал вас. Спасибо.

#### **Е. Лазько:**

Спасибо большое, Сергей Ефимович. Я хочу передать слово Исааку Шепсу из «Балтики», который будет говорить про конкретику. Есть конкретные примеры работы в нашей стране, в конкретных регионах. Понятно, что у

«Балтики» основной момент — это оборот тары. В мире хорошей практикой является оборачиваемость бутылок от восьми раз. В России по некоторым регионам — дай бог, если два с половиной раза. «Балтика» является флагманом этой инициативы. Я бы хотела, чтобы Исаак рассказал нам, что делается в этом направлении конкретными представителями промышленности.

## **И. Шепс:**

Большое спасибо. Сразу же хочу сказать, что Carlsberg Group и являющаяся ее частью пивоваренная компания «Балтика» разделяют Ваш заинтересованный подход к вопросам экологии во всем мире. Забота об окружающей среде и социальная ответственность для нас — не просто PR-ход, это часть нашей стратегии. Мы уверены: чтобы быть успешными в долгосрочной перспективе, компании уже сегодня должны учитывать интересы всех сторон, в том числе общества, в котором они осуществляют свою деятельность. Разумеется, в любом социуме окружающая среда имеет первостепенное значение. Мы хотим производить свою продукцию, но при этом должны оставить после себя чистую почву и достаточно ресурсов для наших детей и внуков, которые позволили бы им радоваться жизни; ну а производимое нами пиво — это тоже одна из радостей жизни.

Чтобы не быть голословным, я в качестве примера кратко расскажу, что пивоваренная компания «Балтика» делает в этом направлении в России. Мы проанализировали полный цикл своей деятельности и использования нашей продукции во всем мире. Чтобы выявить основные направления нашего воздействия на окружающую среду, мы использовали критерий углеродного следа. Мы обнаружили, что 45% всей нашей деятельности в той или иной степени касается упаковки. Поэтому мы решили сделать упаковку нашим основным приоритетом. Мы работаем с упаковкой, используя модель «четырех "Пи"»... Извините, «четырех "R"», английское «Пи» звучит в русском как «R» (по-русски я не говорю, но алфавит учил).

Первая «R» — из английского слова «reduce»: мы стараемся уменьшить вес упаковки и объем ее использования. Это, разумеется, одна из самых

важных вещей. Второй компонент — «reuse», то есть повторное использование упаковки. В качестве примера такого использования могу привести оборотную бутылку. Компания «Балтика» является лидером в использовании оборотных бутылок, мы успешно собираем стеклотару. Однако ситуация в России пока еще очень далека от наших датских стандартов. Возможно, не всем это известно, но в Дании 100% упаковки используется повторно или перерабатывается. Подобного нет даже в других европейских странах, но, чтобы выйти на этот уровень, понадобилось много времени. К счастью, приучать к такому обращению с упаковкой нужно было не так уж много людей, Дания — это маленькая страна. Но ее опыт вполне можно использовать в любом другом месте, и мы будем делать это и здесь, в России. Третья «R» — это английское слово «recycling» (переработка): практически все упаковочные материалы могут перерабатываться и повторно использоваться для производства новой упаковки.

И последний, но очень важный элемент. В Копенгагене у нашей компании есть свой собственный научно-исследовательский центр, который создан уже давно и накопил 160-летний опыт научных разработок. Четвертая «R» в той модели, о которой мы говорим, появилась из английского слова «rethink» — необходимо переосмыслить сложившуюся ситуацию, чтобы понять, какой тип упаковки лучше, что можно делать иначе, как создавать инновационную упаковку и так далее. В этой области мы многое делаем вместе с нашими поставщиками. Мы создали программу, которую назвали «пивовары за рациональное использование ресурсов». Недавно она была представлена премьер-министру России Дмитрию Медведеву, который ее поддержал. С ее помощью мы постараемся сделать ряд важных шагов, а затем уже примем новые программы, направленные на сохранение окружающей среды.

Одна из идей, которые мы хотели бы реализовать, — это создание промышленных кластеров вокруг наших заводов. Эта идея особенно актуальна для такой большой страны, как Россия. Транспортировка товаров и материалов из одного места в другое оказывает огромное воздействие на

окружающую среду, ведь перевозить их приходится на тысячи и тысячи километров. У нас есть пивоваренный завод в Хабаровске, на Дальнем Востоке. Я побывал там дважды, но уже во время своей первой поездки я очень хорошо ощутил, насколько велика Россия: чтобы попасть на наш пивоваренный завод, мне пришлось лететь из Москвы восемь часов, преодолеть семь часовых поясов — действительно, огромная страна.

Чтобы вы поняли, о чем идет речь, скажу, что нам практически удалось убедить одну из компаний, производящих стеклотару в России, построить завод в Хабаровске, неподалеку от нашего пивоваренного завода. Ведь сегодня нам приходится везти бутылки из Новосибирска, за четыре тысячи километров. Кроме того, как уже было сказано, у нас есть проект по использованию оборотной бутылки. Но в процессе сбора стеклотары иногда появляются и разбитые бутылки. Разбитое стекло мы вынуждены бесплатно в своих собственных железнодорожных вагонах везти обратно в Новосибирск на переработку. Было бы гораздо проще, если бы предприятие по переработке стеклотары находилось рядом с нашим пивоваренным заводом.

Наш следующий шаг — убедить в такой необходимости производителя алюминиевых банок. Сегодня пустые банки для нашего производства везут из Челябинска, а иногда и еще более далеких мест. Поэтому мы и стараемся создать подобные кластеры. В Самарской области мы ведем переговоры о засеве сельхозугодий особыми видами ячменя для пивоварения, тогда здесь сможет снова появиться солодовенный завод. Так что, если мы приблизим друг к другу отдельные звенья производственной цепочки, это также сможет положительным образом повлиять на окружающую среду.

Чтобы не занимать ваше внимание слишком долго, в завершение расскажу об очень важной нашей инициативе. Наша компания — лидер пивоваренной отрасли России и вторая крупнейшая компания потребительского сектора в этой стране (первое место принадлежит компании PepsiCo, благодарим ее за гостеприимство). Мы действительно верим, что необходимо идти в ногу со временем. Поэтому мы подписали с



Организацией Объединенных Наций по промышленному развитию (ЮНИДО) особое соглашение, в рамках которого «Балтика» в течение пяти лет вложит в различные экологические проекты один миллиард рублей. Учитывая рекомендации и опыт этой организации, мы сосредоточим свои усилия в нескольких областях. Первая — это вода. Даже в тех странах, где выпадает достаточное количество осадков, в отдельных местах по различным причинам не хватает воды. Разумеется, мы будем работать над различными проектами и технологиями в области водо- и энергосбережения.

Пивоваренная компания «Балтика», в свою очередь, за последние пять лет добилась снижения энерго- и водопотребления на 15%. Возможно, вы этого и не знаете, но для приготовления пива нужно больше воды, чем в итоге окажется в бутылке. Однако потребление воды можно уменьшить, и мы постоянно стремимся это делать, чтобы сократить общее потребление энергии.

Благодаря новым технологиям, на некоторых пивоваренных заводах мы уже начали использовать возобновляемые источники энергии: при очистке сточных вод вырабатывается биогаз, который можно применять в качестве источника энергии. Это один из способов внести реальный вклад в дело охраны окружающей среды. Разумеется, все наши проекты так или иначе связаны и с сельским хозяйством, потому что оно снабжает нас источниками для производства продукции. Мы принимаем активное участие в ряде крупных агропроектов, которые реализуются по нашей инициативе совместно с сельхозпроизводителями. Эта работа позволит обеспечить большие и стабильные урожаи ячменя в России, что благоприятно отразится на нашем производстве. Вот одно из тех обязательств, которые мы взяли на себя.

В общем и целом, по моему мнению, мы делаем все необходимое для ответственного ведения своей деятельности. Мы также участвуем в открытом обсуждении проекта нового закона об отходах, и я уверен, что совместно мы сможем найти правильное решение, которые поддержит вся отрасль. Учитывая опыт нашей работы во всем мире и в Европе, должен

сказать, что оптимальным стало бы такое законодательство в плане отходов, которое предусматривало бы ответственность производителей; а производители, в свою очередь, получали бы квоты на переработку и повторное использование. По этому пути уже идет Европа. Применение накопленного другими странами опыта поможет России правильно распределить ответственность и обеспечить снижение объема образующихся отходов. Благодарю за внимание.

#### **Е. Лазько:**

Спасибо, Исаак.

Александр, насколько я понимаю, у Fortum есть опыт «зеленых» проектов не только в России. Используются ли какие-то из этих инициатив в России, и как Вы их развиваете? В частности, как я понимаю, Вы связаны не только с энергоэффективностью, но и с «зелеными» инициативами.

#### **А. Чуваев:**

Fortum — это финский энергетический концерн с государственным участием, одна из самых «зеленых» энергетических компаний в мире. «Зеленая» она потому, что в портфеле активов большую долю занимает гидроэнергетика, атомная энергетика, а также использование отходов для выработки тепла и электроэнергии. Например, Fortum отапливает со своих электростанций город Стокгольм, причем не только отапливает: там еще и централизованное охлаждение. То есть холодная вода летом подается в дома и охлаждает помещение, и все это работает на твердых бытовых отходах. Имеет место тригенерация. И выработка тепла, и выработка электроэнергии идут на базе ТБО. Там это сделано таким образом, что и компании получают от этого прибыль, и население готово платить, потому что любая утилизация стоит денег. Пойти выбросить мусор на улицу, например, — уже трата ресурса. Любая «зеленая» инициатива, любая энергоэффективность — это трата ресурсов, трата денег. Население должно понимать, за что оно платит, и должно осознавать, что бесплатно ничего не бывает.

Если говорить о России, здесь совсем другая ситуация. Если говорить об утилизационном тарифе на твердые бытовые отходы, он должен составлять примерно две-две с половиной тысячи рублей для того, чтобы строительство мусоросжигающей электростанции было оправдано. В Москве этот тариф приближается к двум тысячам рублей, в регионах это примерно сто, сто тридцать или сто пятьдесят рублей. Безусловно, при таких тарифах никакой капитал не придет, и никто ничего строить не будет. Здесь на круглом столе по энергоэффективности, и особенно по промышленности, все говорили, что нам пора идти инновационным путем, слезать с нефтяной иглы. Я задал вопрос: что такое — слезать с нефтяной иглы? Если мы будем с нее слезать, энергоресурсы должны стоить дорого или дешево? Ответ был, что энергоресурсы должны стоить дорого. У нас слишком дешевые энергоресурсы — я говорю о природном газе — чтобы экономически окупался переход на новые технологии. Вчера было объявлено, что рост цен на природный газ не превысит уровня инфляции (хотя до этого года повышение составляло 15% до достижения равнодоходности с Европой, а равнодоходность с Европой, с учетом транспорта, это цена газа в два раза ниже, чем в Европе). Это вывело из сектора энергетики примерно триллион рублей инвестиций до 2030 года. Все эти инвестиции должны были быть в «зеленые» технологии. Нынешние технологии паросилового цикла дают нам примерно в 10 раз больше выбросов оксидов азота и в шесть-семь раз больше выбросов парниковых газов (CO, CO<sub>2</sub>), чем современный парк газовой технологии. Рынок должен давать рыночный сигнал, а для этого энергоресурсы должны стоить дорого. Причем «дорого» в России не значит, что наша промышленность будет неконкурентоспособной. Сейчас наш газ стоит примерно на 30—40% дороже, чем газ в США, несмотря ни на какие сланцевые революции, в два-три раза дороже, чем в Европе, в шесть раз дороже, чем в Азии, в Японии, например. Поэтому когда мы говорим, что природный газ — а примерно 60% газа потребляется электроэнергетикой — должен стоить дорого, мы говорим о том, что он все равно обеспечит конкурентоспособность нашей промышленности на мировом рынке.

Теперь несколько слов о том, что в мире сейчас делается по поводу возобновляемых источников. Как известно, медленно, но верно технологии идут к революции. Особенно это касается солнечной энергетики. В течение следующих семи—десяти лет солнечная энергетика станет конкурентоспособной по сравнению с традиционными видами выработки электроэнергии, особенно в южных странах. Конкурентоспособность традиционных видов оценивается с точки зрения топлива. Мы всегда должны отталкиваться от стоимости энергоресурсов. Поэтому, завершая свое короткое выступление, хочу призвать к тому, чтобы государство и регулятор в лице государства имели политическую волю. Уверен, что и население, и промышленность воспримет это с большим энтузиазмом, чтобы, обеспечивая конкурентоспособность России на мировом рынке, мы обеспечивали энергоэффективность и «зеленую» энергетiku на российском пространстве. Спасибо.

**Е. Лазько:**

Большое спасибо, Александр. Все инициативы — и компаний, и государства, и простых людей — нуждаются в деньгах. Много говорится о «зеленом» банкинге, о «зеленых» инвестициях. ЕБРР — один из институтов, которые участвуют в «зеленых» проектах. Думаю, Наталья расскажет о проектах не только в России, но и за рубежом. Хочется услышать, какие у Вас пожелания относительно дальнейшего развития.

**Н. Ханженкова:**

Европейский банк не только и не столько финансирующая организация, сколько организация развития. У нас в мандате вопросы экологии, энергоэффективности приоритетны, поэтому мы активно ищем проекты, которые дают положительный экологический эффект, которые снижают энергопотребление, для того чтобы предоставить им инвестиционные ресурсы, в первую очередь, долгосрочные.

Сейчас мы говорили о необходимости инвестиций в переработку отходов, в энергоэффективность. С точки зрения масштаба инвестиций, которые

требуются России, цифры огромные. Чтобы просто довести переработку отходов примерно до 40%, не говоря о задачах доведения до 80%, необходимы инвестиции до 40 миллиардов евро. Сейчас в России на единицу продукции потребляется в два-три раза больше энергии, чем в странах Европейского союза. Наша энергонеэффективность сравнима с потреблением энергии всей Франции. То есть для того, чтобы довести Россию до нормального потенциала энергоэффективности, потребуется в районе 240 миллиардов евро. Совершенно очевидно, что эти суммы невозможно привлечь из бюджета, и чрезвычайно важно, чтобы именно частный сектор лидировал в инвестировании в эти процессы. Мы активно ищем такие проекты частного сектора. Я приведу пример: в Турции у нас есть очень важный клиент. Это турецкий производитель стеклянных бутылок, Sisecam, и сейчас в рамках совместного проекта мы пытаемся довести ресайклинг их бутылок до среднего уровня Европы, 60—70%. Что очень важно, это решает не только проблему управления отходами. Использование стеклобоя на 20—30% снижает потребление энергии для производства новых бутылок. Sisecam работает и в России, и сейчас очень активно рассматривает возможность тоже участвовать в системе ресайклинга. Но в России мы пока не сумели профинансировать такой проект, потому что стоимость инфраструктуры по сбору и доставке стеклобоя нивелирует все выгоды от той экономии, которую можно получить при использовании этого стекла. Здесь, конечно, чрезвычайно важно то законодательство, которое будет принято: нужна система стимулов. Это введение залоговой цены на тару и упаковку, это внедрение схем раздельного сбора отходов. Очень важно вести эту работу совместно с муниципалитетами, потому что за счет такого ресайклинга снижается давление на муниципалитеты по увеличению полигонов, решению проблемы ТБО. Мы считаем, что такие меры стимулирования реально подтолкнут инвестиции в ресайклинг в России. Сейчас, когда разрабатывается система обращения с отходами и в законопроекты вносятся соответствующие поправки, важно, чтобы была открытая и понятная схема целевого использования всех утилизационных,

экологических сборов, которые будут налагаться на производителей. Чтобы стимулировать их добровольно участвовать в схемах ресайклинга, необходимо при исчислении взносов также учитывать инвестиции производителей в ресайклинг. Мы считаем, что именно подобное стимулирование частных инвестиций реально поможет решить проблемы. Помимо вопроса отходов для нас очень важны проекты энергоэффективности, которые мы финансируем. В России у нас очень много проектов, которые успешно продвигаются. С 2006 года было более 100 проектов, направленных на повышение энергоэффективности, мы вложили в них более двух миллиардов евро. Здесь нужно подчеркнуть, что любые инвестиции частного сектора в энергоэффективность — это повышение конкурентоспособности. Здесь мы работаем с конкретными крупными предприятиями. Например, у нас очень интересный проект с «Группой компаний МЛК», который привел к значительному снижению потребления энергии.

Наверное, новое направление, которое очень важно поддержать, это развитие энергосервисных компаний, которые смогут получить возврат по своим инвестициям как раз за счет той экономии энергопотребления, которую получают от данных инвестиций. В прошлом году мы профинансировали компанию «ФЕНИЧЕ РУС», которая такие проекты осуществляет в России. У них уже третий проект с «АВТОВАЗОМ», где они осуществляют инвестиции и получают плату исключительно за счет произведенной экономии. Наверное, у частных компаний в промышленном секторе есть реальный стимул: повышение конкурентоспособности. Но направление, которое сейчас для нас очень важно и где нам важно продвигаться вперед, это повышение энергоэффективности в бюджетном секторе. Школы, детские сады, поликлиники за счет очень небольших инвестиций могут серьезно сократить — на 40 и более процентов — потребление энергии. Здесь вопрос, как привлечь инвестиции энергосервисных компаний. Важен долгосрочный бюджетный цикл, важно, чтобы сохранялась экономия, чтобы можно было вернуть инвестиции. Здесь требуется большая работа по улучшению законодательства, чтобы

стимулировать подобные проекты. Мы очень хотим поддерживать такие проекты, готовы предоставлять долгосрочные ресурсы на 10—15 лет, чтобы нагрузка на компании, которые проводят эти инвестиции, была более равномерной. Но очень многое еще необходимо сделать, чтобы эти стимулы были внедрены.

#### **Е. Лазько:**

Спасибо, Наталья. По следам всех выступлений хочу дать слово Евгению Аркадьевичу Шварцу из «Фонда дикой природы». У нас принято почему-то демонизировать некоммерческие организации. Считается, что они занимаются только чем-то точечным, связанным с конкретными лесами и животными, но WWF, в частности, занимается поддержкой аналитики по природоохранной деятельности в целом, поэтому хочется услышать Вашу позицию.

#### **Е. Шварц:**

Спасибо, Елена. Я постараюсь быть кратким.

Крайне важно понимать, что мир и экономика абсолютно глобализованы, поэтому если мы серьезно говорим о конкурентоспособности, нужно на это смотреть в мировом масштабе. Если мы посмотрим на российские отрасли с точки зрения экологической чувствительности их внешних рынков, мы увидим прямую связь. Возьмем лесной сектор, который сильно ориентирован на экспорт и который является самым экологически чувствительным. Мы имеем 20—25% тех лесов, которые находятся на лесопромышленной арене, сертифицированных по наиболее жестким стандартам. Это абсолютно конкурентоспособная отрасль, эта промышленность полностью поддерживает экологов. На заседаниях, скажем, Президиума Госсовета, за восемь лет они почувствовали дыхание конечного потребителя, и у нас нет принципиальных конфликтов: мы помогаем друг другу находить решения. Почему важно понимать глобальность? Скажем, для нас достаточно сложно находиться между экологически чувствительной Европой и не всегда экологически

чувствительным внутренним рынком северного и северо-западного Китая. Лесопромышленная продукция Китая составляет в четыре с половиной-пять раз больше, чем вся стоимость российского экспорта, а источник половины 30—32 миллиардов дохода этой отрасли Китая составляет российский лес. Каждый год в Китае требования становятся все более и более жесткими, мы видим, как там развивается добровольная лесная сертификация, мы видим, как оттуда к нам идут запросы: нет ли у вас честной, не ворованной древесины, не можете ли вы помочь с компаниями, которые продают не ворованный лес? Они хотят законности, и новые директивы Евросоюза работают на экологизацию конечного потребления. При этом нужно понимать, что даже в тех случаях, когда речь идет о нефтегазовом секторе, это доступ к «длинным» дешевым финансам. Мы провели исследование, которое вошло в доклад Программы развития ООН (ПРООН) этого года по человеческому потенциалу России. Он легко доступен в Интернете. Я просто отмечу, что даже в такой антиэкологической отрасли, как нефтегазовая, у нас 80—90 % компаний сертифицированы по стандарту ISO 14000, и нефинансовая отчетность делается по стандартам GRI просто потому, что иначе у них кредиты будут короче и дороже. Промежуточное положение занимает российская горнодобывающая промышленность, которая в достаточной степени глобализирована. И только энергетика у нас чуть подкачала. Хуже всего положение в финансовом секторе, но с прошлого года произошел небольшой прорыв: открылся первый российский частный банк, который присоединился к «Принципам экватора». Я не уверен, что они поняли, на что пошли, но тем не менее, этот банк открылся. Сейчас мы и Международная финансовая корпорация достаточно серьезно работаем с «Внешэкономбанком» по созданию стандартов, аналогичных стандартам Международной финансовой корпорации и требованиям ЕБРР Environmental and Social Policy and Performance Requirements.

Мы видим, как за последние три года, несмотря на то, что Россия входит во второй десяток по росту количества сертификатов ISO 14000, произошел резкий перелом, и количество сертификатов стало расти почти в



геометрической прогрессии. Мы еще на 18-м месте, это нормально с точки зрения размера экономики, но, тем не менее, мы видим, что произошел перелом в скорости. Это все есть в наших публикациях.

Теперь я хотел бы прокомментировать дискуссию о законе о наилучших доступных технологиях и позиции бизнеса. Те, кто со мной знаком, знают, что я обычно гораздо более критичен к действиям государства, чем к бизнесу, и считаю, что бизнес гораздо адекватнее. Но ситуация довольно сложная, и бизнес бывает разным. В принципе, те проблемы, о которых говорят коллеги из Российского союза промышленников и предпринимателей, были известны еще из доклада о состоянии государственного управления в сфере окружающей среды, который был сделан Всемирным банком в 2008 году. Я был одним из экспертов этого проекта, и выводы его достаточно хорошо известны. Идея экологического кодекса была предложена, если не ошибаюсь, еще при Юрии Петровиче Трутневем тогдашним директором департамента Александром Гавриловичем Ишковым. Мы хорошо понимаем и слышим проблемы бизнеса, и мне кажется, что первый плюс того законопроекта, который сейчас есть, заключается в том, что он решает те вопросы, о которых говорит бизнес. Во-первых, вводится категоризация проектов. Это не говорит о том, что тех, кто попадает в категории В и С, не нужно проверять. Просто нужно, чтобы доступ к декларациям был публичным, чтобы коррупция разрешения не замещалась коррупцией избирательной проверки. Но самое главное в том, что можно пойти вперед с наиболее крупными и опасными производствами и проектами. Второй момент — это оценка воздействия на состояние окружающей среды. Мы не можем обеспечить нормальный экономический рост и интенсификацию российского экономического развития, если у нас не защищены интересы среднего и мелкого бизнеса. Классический пример — Богучанская ГЭС. Мы долгое время в открытом диалоге с «Российским алюминием» добивались того, чтобы была сделана оценка воздействия на окружающую среду в соответствии с современным законодательством, а не с материалами 1989 года, еще советского времени. Нам это не удалось, а теперь мы видим, как Законодательное собрание Красноярского края и

депутаты, которые там представляют «РУСАЛ», просят нас воздействовать на Усть-Илимский целлюлозно-бумажный комбинат, потому что его сбросы загрязняют Богучанскую ГЭС. И в масштабах Красноярского края это проблема. Это действительно так, но если бы были нормальные, честные правила, у того же Усть-Илимского ЦБК было бы время сделать замкнутый цикл, и тогда бы все субъекты федерации действовали в одинаковых условиях. Более того, они бы перешли в сферу гражданско-правовых отношений. И если бы тогда инициаторы и собственники проекта были вынуждены компенсировать Усть-Илимскому ЦБК эти траты, то может быть, и проект был бы или в ином масштабе, или от него бы отказались. При этом речь идет о ЦБК, который принадлежит компании, которая отвечает за 60% экспорта российской целлюлозы. Это крупнейшая вертикально интегрированная компания. Ее капитализация, на мой взгляд, существенно больше трех-четырех миллиардов долларов. Если эта компания не может защитить свои экономические интересы, то что мы хотим от системы защиты интересов граждан, а также мелкого и среднего бизнеса?

Еще один момент. У нас складывается впечатление, что совершенные правильные слова говорят о возмутительном количестве дублирования нормативных актов. Это нужно решать, и мы, безусловно, рассчитываем, что вместе с Министерством природных ресурсов мы сможем значительно продвинуться вперед. Но нужно понимать, что складывается впечатление, будто реальное желание — просто отложить какое-либо изменение ситуации. У меня есть очевидные факты. Во всех проектах, которые сделаны экспертной группой РСПП, с одной стороны, говорится о том, что сумма «неформальных платежей и избыточного воздействия на бизнес» (красивое выражение, означающее «взятка») превышает 100 миллиардов рублей, то есть два с половиной миллиарда евро в год — это два новых ЦБК. И при этом пишется, что предлагается на эти семь лет введения закона в действие закрыть всю информацию о реальных сбросах и выбросах. Сейчас платится 100 миллиардов рублей в год, и это делается, потому что нет информации. Вместо того, чтобы принять решение, как сделать так, чтобы эти средства превратились в проплаченные платежи и

пошли на создание «зеленого» банка, восстановление экофондов или на иной способ мотивации, чтобы они шли на технологическую модернизацию — вместо всего этого мы хотим заморозить ситуацию. Видимо, всем нравится платить взятки. Мне кажется, чтобы выбить базу из-под коррупции и избирательности правоприменения в связи с платежами необходимо, в соответствии с 41—42-й статьями Конституции, сделать информацию о загрязнении публичной и прозрачной. И только таким образом мы можем добиться того, чтобы эти средства шли на модернизацию технологий.

Мы внимательны к бизнесу. Часто слышим от бизнесменов, что очень трудно обеспечить экологическую модернизацию при 16% стоимости кредитов. Мы в течение недели обзвонили финансистов и переговорили с коллегами из ЕБРР, из Международной финансовой корпорации, Всемирного банка. Во-первых, выясняется, что среднерыночная цена несколько ниже. Безусловно, нужно думать, как сделать так, чтобы были госгарантии, то есть возможность взять кредит у специальных финансовых институтов под государственные гарантии и создать более низкие кредитные ставки в форме займов у Всемирного банка или Европейского инвестиционного банка.

**Е. Лазько:**

Большое спасибо. Последний сегодня — доклад Джеймса Розенфильда из IHS CERA. Вспомним, что говорила Наталья про то, что в России в два-три раза больше энергопотребление, чем в любой другой стране мира. Как Кембриджское агентство видит эту картину согласно своим исследованиям?

**Дж. Розенфильд:**

Спасибо, для меня большая честь здесь выступить. Мы разделяем подход к тем насущным проблемам, о которых говорил министр природных ресурсов и экологии Сергей Донской, а также понимаем необходимость изменить отношение к вопросам экологии. Мне бы очень хотелось особо отметить этот момент и донести до публики в Соединенных Штатах всю важность и срочность решения тех вопросов, которые были затронуты сегодня. На

основе того, что мы здесь услышали, можно сделать вывод, что путь России будет правильным и соответствующим чисто российским условиям. В то же время, основываясь на мировом опыте, я хотел бы посмотреть на эти вопросы немного шире, попытавшись понять, что из предложенного может найти применение в России.

Хотелось бы начать с того, о чем упомянули практически все выступавшие: краеугольным камнем экологически чистой энергетической политики в России должна стать энергоэффективность. Наиболее чистая с экологической точки зрения энергия — это та, которую еще не потребили, мы в CERA называем это «пятым видом топлива», иначе говоря, энергоэффективностью. Этот «пятый вид топлива» оставляет поле для маневра и позволяет экспериментировать с тарифами и другими возобновляемыми источниками энергии. Он имеет исключительное значение.

Второй момент, на который я хотел бы обратить внимание: в будущем мы станем свидетелями появления в России множества инновационных решений в области энергетики и технологий. За последние две недели, которые я провел в инновационном центре «Сколково», я видел много энтузиазма в этом отношении. Мне посчастливилось выступить в центре на тему возобновляемой энергетики. Я присутствовал на презентациях пятидесяти стартапов фонда «Сколково» и был буквально потрясен уровнем развития технологий, которые сегодняшняя Россия может предложить остальному миру, а также тем энтузиазмом, с которым она взялась решать экологические проблемы. Я также был впечатлен тем, что премьер-министр Дмитрий Медведев решил присутствовать на этом мероприятии и высказал свои мысли и идеи: в таких вопросах инициатива высших руководителей страны незаменима. Подобную инициативу мы видим и здесь, благодаря присутствию министра Сергея Донского и всему Форуму в целом. В целом, на мой взгляд, инициатива высшего руководства страны чрезвычайно важна.

Вы попросили меня рассмотреть положение России с точки зрения глобальных трендов в зеленой энергетике. Сегодня зеленая энергетика во

всем мире переживает переходный период. В прошлое десятилетие мы стали свидетелями подлинного возрождения зеленой и возобновляемой энергетики. Первая волна развития зеленой энергетики пришлась на 1970-е годы. Она стала реакцией на нефтяной кризис и на тот момент была небольшой, распространяясь в основном на территории США. Сегодняшняя волна, которую мы наблюдаем в течение последних десяти лет, более глобальна и ее влияние гораздо масштабнее. За этот период, начиная с 2000 года, на возобновляемую энергетику было потрачено более триллиона долларов. Это сопровождалось массовым увеличением производственных мощностей, ростом инноваций и формированием современных цепочек поставок в масштабе всей планеты и привело к появлению дополнительных 550 гигаватт мощности, прежде всего, в Европе, США и Китае. Половина от этого объема приходится на страны ЕС, а среди последних 40% принадлежит Германии, которая стала поистине главным инициатором этого возрождения. В странах же с развивающимися рынками возобновляемые и экологически чистые источники энергии обеспечивают всего 15% новых электрических мощностей. Интересно, что примерно половина от этого триллиона долларов была инвестирована в течение последних трех лет, то есть налицо ускорение процесса. При этом большая часть инвестиций пришлась на сектор солнечной энергии и фоточувствительные элементы. Как свидетельствуют наши данные, в результате этих процессов наблюдается резкое падение стоимости солнечной энергии.

Сегодняшний всплеск в развитии зеленой энергетики имеет под собой два основания: прежде всего, это озабоченность по поводу изменений климата, но не в меньшей степени это и необходимость обеспечивать постоянно растущий спрос. Мы предполагаем, что в течение двух ближайших десятилетий — до 2035 года — спрос на энергию вырастет на 35%. В то же время существует ясное понимание того, что наши углеводородные ресурсы ограничены — именно это и побудило нас приступить ко всем нововведениям десять лет назад. Возможно, вы помните опасения, возникшие в 2008 году и связанные с пиком добычи нефти и газа, — тогда

цены достигли исторического максимума в 4 722 доллара США за баррель. С тех пор произошли большие изменения. Что именно изменилось? — Прежде всего, финансовый кризис привел к рецессии и мерам бюджетной экономии, которые, к сожалению, негативно влияют на оказание поддержки сектору возобновляемой энергетики, на выдачу субсидий и стоимость энергии, производимой за счет возобновляемых источников.

Во-вторых, как уже было сказано, революция в области нетрадиционной энергетики (начавшаяся в Соединенных Штатах, но постепенно распространяющаяся по всему миру) наглядно помогла понять, что запасы источников энергии весьма ограничены. Сегодня констатация нехватки углеводородов сменилась ощущением их избытка, что создает определенные сложности для развития зеленой, экологически чистой и возобновляемой энергетики. Как вам известно, цены на природный газ в США в настоящее время очень низкие. За всю историю они не превышали 5 долларов США за миллион BTU. Вместе с тем люди все яснее понимают, что при расчете стоимости возобновляемой энергии необходимо учитывать также все сопутствующие затраты, включая те, что связаны с интеграцией в сеть и непостоянной производительностью.

Как решить эту более глубокую проблему, как преодолеть так называемый «зеленый спред», то есть разницу между стоимостью возобновляемой энергии, с учетом всех сопутствующих затрат и после интеграции ее в сеть, и стоимостью энергии, полученной за счет традиционных источников? Считалось, что эта разница будет постепенно уменьшаться, но на деле за последние несколько лет она лишь выросла. Когда-нибудь эта ситуация, конечно, изменится, однако пока что нам остается менять свое отношение к ней. В результате сейчас в Европе и в США наблюдается некоторый отход от развития возобновляемой энергетики и пересмотр позиций.

В то же время происходит ощутимый рост по части предложения возобновляемой энергии, которое уже фактически превышает спрос. В сфере солнечной энергетики и ветрогенерации имеющиеся мощности превышают необходимые для удовлетворения существующего спроса уже в два раза, в глобальном масштабе также наблюдается общая более

рациональная организация и консолидация этой отрасли, что сопровождается снижением цен, в особенности на солнечную энергию. Можно отметить еще одну любопытную деталь: представители Кремниевой долины и многочисленные инвесторы сейчас пересматривают свое отношение к отрасли: многие из них недооценили сроки и объемы капитала, необходимые для реализации проектов в сфере экологически чистой энергетики и технологий. Они полагали, что нашли новый Facebook, но оказывается, что зеленая энергетика — это и не Facebook, и не Google, а процесс, развитие которого займет не один десяток лет.

На этом фоне проявляется новая, очень интересная и хорошая тенденция: глобальная зеленая энергетика начинает перемещаться из развитых стран в развивающиеся. И, как это очевидно вытекает из нашей сегодняшней дискуссии, в течение следующего десятилетия эта тенденция смещения в сторону развивающихся рынков только усилится. Наряду с Россией, около 60 стран во всем мире принимают комплексы целей в области возобновляемой энергетики, и многие из этих стран смогут воспользоваться тем переизбытком предложения, который наблюдается на глобальном рынке. Кроме того, вся уже созданная инфраструктура стоимостью в один триллион долларов может теперь использоваться для развивающихся стран, становясь в то же время источником иностранных инвестиций и способом диверсификации энергобаланса различных стран.

Однако все чаще и чаще мы видим (об этом, в частности, упоминал господин Елинсон), что вопросы экологии начинают рассматриваться в тесной связи с вопросами экономической конкурентоспособности. Цены на электроэнергию для промышленного потребления в мире очень разнятся; в сегодняшнем мире, определяемом правилами ВТО, энергия действительно становится фактором конкурентоспособности целых отраслей экономики.

Очень полезной иллюстрацией этого тезиса оказывается пример Германии. Эта страна поставила перед собой весьма сложную задачу: довести к 2050 году долю возобновляемых источников в своем энергобалансе до 80%, а в прошлом году также ввела надбавку к цене электроэнергии, сборы от которой пойдут на финансирование возобновляемой энергетики. В

результате введения такого сбора розничная цена для потребителя выросла до 5,28 евроцента за киловатт-час, в то время как оптовая цена составляет 4 евроцента за киловатт-час. За пользование электроэнергией в своих домах немецкие семьи платят практически в два с половиной раза больше, чем американские, и такая же разница наблюдается в ценах на электроэнергию для промышленного потребления. Как следствие немецкий рынок электроэнергии оказывается деформирован, стоимость интеграции возобновляемой энергии в сеть недооценивается; и, как это ни парадоксально, Германии для удовлетворения своих потребностей приходится импортировать дешевый уголь из США. Если США, благодаря использованию сланцевого газа, удалось снизить выбросы углекислого газа на 12%, то Германия, вместе с импортом нашего угля, «импортирует» сейчас и некоторые наши проблемы, связанные с выбросами CO<sub>2</sub>. В преддверии выборов, которые пройдут 22 сентября, многие представители немецких промышленных кругов выражают свою сильную озабоченность по этому поводу. И в будущем такие заявления будут слышны все чаще.

Если подводить какие-то итоги, то к 2025 году доля возобновляемой энергетики будет составлять около 10% от общей мощности, в то время как на данный момент она не достигает и 5%, а в России это меньше 2%. Таким образом, Россия сейчас пытается занять свое место в этом новом мире экологически чистой и возобновляемой энергии — пока она играет в нем очень небольшую роль, но при этом обладает весьма значительным потенциалом. По нашей оценке, потенциал геотермальной энергии составляет один тераватт-час в год, да и малые ГЭС, ветрогенерация и энергия приливов будут играть в дальнейшем все более важную роль. Важнейшая задача, о которой говорилось сегодня, — это, разумеется, повышение энергоэффективности; даже в те периоды, когда тарифы остаются невысокими.

Здесь я бы мог дать несколько важных рекомендаций. Помимо энергоэффективности, о которой уже достаточно было сказано, начинать, прежде всего, следует с наиболее простых и доступных вещей. Опыт внедрения инновационных технологий подсказывает, что основные усилия



стоит направлять на нишевые секторы; необходимо перенести автономный цикл возобновляемой энергии туда, где она может выдержать конкуренцию с более высокими ценами на электричество от иных источников, — например, во Владивосток, а не в Москву. Затем, базируясь на этих нишевых проектах, нужно распространять и масштабировать их в направлении от периферии к центру — это классический подход при внедрении прорывных технологий.

Во-вторых, необходимо более рационально организовать и использовать уже имеющуюся инфраструктуру. У вас есть ТЭЦ, поставляющие теплоэнергию. Однако можно использовать ТЭЦ и для выработки электроэнергии — вот тот самый доступный и недорогой способ. В-третьих, и об этом тоже много говорилось, существуют возможности в сфере переработки твердых бытовых отходов, за счет чего можно разом убить двух зайцев: вы одновременно решаете проблему ТБО и выработки энергии. Нам известно, что многие компании, такие как Ford, уже обладают самыми передовыми технологиями в этой сфере. Такого рода технологии можно внедрять и успешно использовать в России, что позволит совершить прорыв в некоторых из тех областей, о которых мы говорим.

Еще одно направление, которое непременно нужно задействовать в России, — это ресурсы дешевого газа. Существует масса новых сфер применения газа: например, технологии GTL, производство синтетических жидких топлив или твердо-оксидные топливные элементы — великое множество технологий, использующих газ и способных помочь в развитии сектора экологически чистой энергетики на время перехода к будущей возобновляемой энергетике. Наконец, России, как я уже говорил, совершенно необходимо использовать свое конкурентное преимущество в сфере науки и технологий за счет особых научно-исследовательских разработок. Многие из технологических решений зеленой энергетики могут быть разработаны на базе именно тех отраслей, в которых Россия традиционно очень сильна: наук о материалах, биологических и математических наук, информатики. Все они призваны сыграть здесь свою роль, и Россия в этом плане обладает огромным количеством ресурсов.

Думаю, понадобится какое-то время для того, чтобы зеленая энергетика стала частью российского пейзажа, однако могу прогнозировать, что, когда этот момент настанет, все произойдет очень быстро. В заключение я хотел бы привести советы двух мудрых россиян. Первый совет дал вчера Президент Владимир Путин, сказав, что ситуация требует от нас оптимального выбора приоритетов, правильного баланса между долгосрочными целями и решением текущих задач. Второй — в словах Льва Толстого, который писал, что два самых сильных «воина-богатыря» — это «терпение и время». Необходимо запастись терпением, и со временем мы увидим совершенно иное энергетическое будущее России. Большое спасибо за внимание.

**Е. Лазько:**

Спасибо. У нас есть заявленные участники дискуссии. Если можно, одну-полторы минуты по существу.

**В. Гаврилов.**

Спасибо, что пригласили. Всеволод Гаврилов, Сбербанк. Я слушал Сергея Ефимовича и очень хорошо его понимал. Я глубоко прочувствовал интенсивность его высказывания. Так получилось, что семь или восемь лет я занимался примерно тем же, но в области реформы водного и лесного законодательства, и с Сергеем Ефимовичем полностью согласен. Похоже, действительно, надо найти решение достаточно быстро. Теперь по существу. Я представляю здесь инвестиционно-финансовую группу. Мы, инвесторы, ищем ниши размещения денег и получения определенной доходности. Почему я здесь? Потому что, по моим ощущениям, сейчас как раз формируется решение, в результате которого мы все вместе можем хорошо заработать. Мне очень приятно, что меня посадили не среди выступающих, а здесь, потому что я слушаю и наблюдаю.

Мы приходим тогда, когда возникает договоренность между государством и бизнесом. Мы видим мир по принципу светофора: зеленый, желтый и красный. Там, где есть достигнутые договоренности, где есть консенсус,

незаметно или заметно появляемся мы. Мы появляемся у Андрея, мы появляемся у Александра, мы появляемся у Исаака, мы влезаем в щель под дверь и предлагаем свои услуги. Это конкурентный рынок. Мы просим выбрать нас, но понимаем, что нас могут опередить конкуренты.

Мы видим, что сегодня уже есть практики таких соглашений. Попутный нефтяной газ: решение принято, стороны ударили по рукам. Теперь я постоянно общаюсь с нефтяными компаниями. Вчера Сбербанк подписал соглашение с Губернатором Ханты-Мансийского автономного округа — Югры Натальей Комаровой. Почему? Мы хотим быть первыми на этом рынке, мы первыми хотим разместить деньги и получить доходность. Мы ожидаем скорого решения вопроса и по другим темам. Желтая зона — зона, где мы чувствуем, что консенсус скоро будет достигнут.

Если есть возможность, уважаемые коллеги, отфильтруйте сегодня те сюжеты, где вы уже можете ударить по рукам. Мы готовы быть вместе с вами, помогать решениями и модерировать возможное завершение отношений.

Красная зона: там, где сегодня еще только идет согласование позиций и где пока еще не ясны возможные площадки консенсуса. Вчера был круглый стол по энергоэффективности, где мы обсуждали ряд моментов. Может быть, действительно стоит подумать о сочетании механизмов стандартизации жестких требований вместе с элементами государственной поддержки? Бывают такие случаи, об этом говорили Джеймс и Наталья, когда государство понимает, что не вписывается в пространство бизнес-решений, но все же нужно что-то сделать. В этом случае государство вместе с кнутом предоставляет некоторый элемент пряника. Со своей стороны, мы, конечно, готовы всячески содействовать диалогу. Мы не будем вмешиваться во многие предметы — это не наша задача, а появление третьего пассажира может ухудшить ситуацию. Но если вы близки к решению — а я надеюсь, что это так, — то лучшим индикатором станем мы, стоящие у вас за дверьми и просящиеся на прием. Это значит, что решение найдено. Спасибо.

## **Е. Лазько:**

Спасибо, Всеволод. Алексей Шевляков, исполняющий обязанности генерального директора ФГБУ «Российское энергетическое агентство» Министерства энергетики Российской Федерации. Это основной государственный орган, отвечающий у нас за энергоэффективность.

## **А. Шевляков:**

Уважаемые коллеги, я очень благодарен вам за предоставленное слово. Хотел бы отметить, что мне очень понравилась эта панель, поскольку тема, которая здесь обсуждалась, — «родная сестра» энергосбережения. Ведь проблемы энергосбережения — это те же самые проблемы, которые связаны с экологической эффективностью и экологической безопасностью. Связано это, на наш взгляд, со следующими аспектами: мы очень долго и очень старательно работаем над разработкой различных инструментов, которые могли бы быть использованы в практической деятельности. Мы изучаем международный опыт, мы разрабатываем для Российской Федерации всевозможные предложения, осуществляем их пилотное апробирование. Но дело в том, что мы сталкиваемся с общесистемными проблемами. Об этих проблемах сегодня говорили коллеги. Они говорили о том, что на нашем рынке еще недостаточно открытая конкуренция, что наши российские предприятия в этой конкурентной борьбе еще не ощущают единственную возможность выжить и остаться на плаву. Поэтому мы сталкиваемся с такими ситуациями, когда мы видим, что предприятие не очень заинтересовано в энергоэффективности. В отдельных случаях они даже заинтересованы иметь более высокие затраты и уменьшать налоговую нагрузку на прибыль. Речь идет о том, что мы сталкиваемся с инвестиционной моделью развития страны. Она должна быть несколько иной, чтобы быть восприимчивой к тем предложениям, которые мы с вами формируем. Это связано, прежде всего, с тем, что когда мы говорим, что энергосбережение идет рука об руку с экологией, с решением экологических задач, мы понимаем, что в другой стране на уровне муниципалитета можно, например, поставить задачу построить

мусороперерабатывающий завод, выпустить инфраструктурные облигации, привлечь с рынка необходимые средства и рассчитаться с населением за привлеченные внебюджетные ресурсы. У нас пока таких возможностей нет. На сегодняшний день у нас фондовые рынки и инструменты привлечения внебюджетных средств населения фактически не работают. Это основная проблема, которая связана с тем, что вся финансовая система, возможно, требует пересмотра, для того чтобы укреплять, прежде всего, муниципальные власти — именно те власти, на территории которых мы наблюдаем сегодняшнюю картину тотального загрязнения и тотальных экологических проблем. Эта тема очень важна, поскольку она общесистемна.

Мы должны создавать нашим детям будущее, должны их учить долго, упорно и настойчиво, как обращаться с ресурсами, как обращаться с природой. Эта тема тоже очень важна. Мы должны учитывать нашу географию. Надо учитывать, что на территории России есть еще и зоны вечной мерзлоты, где мы сталкиваемся с проблемами, не знакомыми ни Европе, ни многим другим континентам. Когда мы говорим о «зеленой» энергетике, о повышении роли этого ресурса в нашей экономике, мы должны учитывать, что, как бы мы ни старались ее повысить, традиционные источники для нас остаются основными. Должен подчеркнуть, что, выступая в Ганновере, руководитель Министерства энергетики отметил очень интересную вещь: мы не хотим оставаться на периферии в этом интересном направлении. Мы будем активно заниматься возобновляемыми источниками энергии, будем прилагать всяческие усилия, потому что без такого энергосбережения и экологии не будет. «Умные» дома, «умные» сети — это те направления, которые мы сегодня рассматриваем как основные в связи с тем, что понимаем, что сложившиеся форматы уже не смогут обеспечивать нашей экономике необходимый рост.

**Е. Лазько:**

Спасибо. Михаил Аким.

## **М. Аким:**

Спасибо. Здесь господин министр уже упоминал, что эта тема волнует весь мир. На российском рынке представлены международные компании, их сообщество — я не говорю от имени ABB (Asea Brown Boveri Ltd.), я говорю с точки зрения сообщества международных компаний, которые, придя на рынок, привели с собой технологии.

Как я вижу проблему? Нет системы изучения технологий, носителями которых являются данные компании. Если смотреть на глобальные тенденции — ведь Россия здесь абсолютно не уникальна, — можно говорить об урбанизации, когда 75% всех природных ресурсов планеты потребляют в городах и когда 600 крупнейших городов определяют 60% валового мирового дохода. Это явно связано с такими вещами, как здания, о которых уже говорилось, вода, транспорт. Здесь не нужно изобретать велосипед, потому что, например, уважаемая компания Fortum в Швеции внедрила использование биогаза, мы разработали и внедряем использование электрического автобуса, который подзаряжается на станциях, компания Mitsubishi внедряет электромобили. То есть технологии существуют, они приходят сюда и через «Ассоциацию европейского бизнеса». Нужно создать платформу для изучения этих технологий. Со стороны Консультативного совета по иностранным инвестициям должно быть то же самое: есть сообщество компаний, которое присутствует на рынке, но на данный момент совершенно нет объединяющей платформы для того, чтобы уменьшить финансовые риски. Финансист пойдет туда, где используются апробированные технологии. Не надо дублировать технологические платформы. Есть европейские технологические платформы, есть российские. Если Fortum знает, как обходиться с ТБО, нужно использовать их технологию, не надо ее заново разрабатывать. При этом, безусловно, нужно изучать специфику страны, потому что есть ряд технологий, которые специфичны для России в силу ее географического положения. Допустим, технология микрогрид, технология отдельной генерации — выработки энергии непосредственно на производственных объектах. Давайте создавать единую платформу. Вчера на сессии B20, в

частности, об этом говорили. Нужно создавать единый банк технологий. Спасибо.

**А. Чуваев:**

Я хотел бы дополнить. Мы здесь говорим о микрогриде, о высоких технологиях, но давайте посмотрим, в каком пространстве мы живем. Как сказал Джеймс Розенфильд, у нас тепло вырабатывается на доморощенных технологиях. Мы на этой тепловой базе можем произвести в семь раз больше электроэнергии, чем производим сейчас. Поэтому, конечно, все эти космические технологии очень хороши, но давайте посмотрим на то, что происходит у нас дома.

Говоря о деньгах, могу сказать, что стоит очередь с деньгами. Нет прозрачных долгосрочных правил. То говорят, что до 2020 года газ должен расти по 15%, и все выстроились в очередь на инвестиции в энергетику, то говорят, что у нас газ будет расти по 5%, и энергетика остается без денег. То есть от государства нужны только прозрачные долгосрочные правила, больше ничего. Тогда придут деньги, их в мире навалом.

**Е. Лазько:**

Сергей Ефимович, как главный эколог в нашей стране подведите итог.

**С. Донской:**

Дискуссия была очень интересной. Последняя реплика особенно должна подстегнуть нас к созданию понятных правил. Кстати, мы как раз за это. Общаясь с вами, с представителями бизнеса, науки, мы как раз эти правила вырабатываем. Поэтому огромное спасибо всем участникам. Надеемся на вашу всемерную поддержку. Спасибо.